

25.02.2013, 01:19 Санкт-Петербург

свой опыт

Ночь перед Рождеством, или вечер в милиции близ Фонтанки

Александр Алексеев описывает свой опыт пребывания в отделении полиции и в суде после стихийной акции в Санкт-Петербурге, посвященной скандальному ДТП. Тогда погиб житель города Григорий Кочнев. По версии Следственного комитета Кочнев нанес себе пять ножевых ранений (три из них в сердце). Позднее выяснилось, что вторым участником ДТП был начальник колонии, откуда недавно освобожден погибший.

ОБ ЭТОМ НИКТО НЕ УЗНАЕТ

Если об этом никто не напишет. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы плохие дела не оставались в тишине.

ПОДПИСАТЬСЯ

В середине декабря все интернет-пространство взорвало сообщение о ДТП на КАДе, после которого один из участников устроил себе публичное «харакيري» со смертельным исходом. Да, в нашей непредсказуемой жизни бывают всякие ситуации, но чтобы после незначительной аварии посреди бела дня человек наносил сам себе пять ударов ножом в грудь? Это вызывало, как минимум, недоумение.

Потом стала поступать информация, что вторым участником ДТП был начальник колонии, где Григорий Кочнев недавно отбывал свой срок, появились слухи о людях с востока, которых видели на места инцидента, а когда стало известно, что из пяти злополучных ударов три пришлись прямоком в сердце и Следственный Комитет заявил о самоубийстве, волна всенародного гнева вылилась на просторы всемирной паутины. Многие форумы, ЖЖ, ВК, стали заявлять о сокрытии истинных причин этой трагедии. Вердикт был однозначен — все, о чем нам сообщают средства массовой информации, — ложь. Это не самоубийство. Григорий Кочнев был кем-то убит на месте злополучного ДТП.

Через какое-то время и масс-медиа стали говорить об этой версии, но народ уже было не остановить. Предлагалось устроить акции памяти в разных местах Санкт-Петербурга, и в итоге выбор пал на Пионерскую площадь перед ТЮЗом, на которой уже неоднократно происходили всевозможные митинги.

Утром 23 декабря, получив «санкцию» жены на посещение этого мероприятия, я поехал в сторону Витебского вокзала, оставил около него свою машину и направился к ТЮЗу. Уже на подступах к нему было видно многочисленное присутствие полиции. Конечно же, они были в курсе планируемой акции, да и никто из организаторов своих намерений не скрывал. Вся информация о ней была доступна в интернете.

Придя на площадь, я немного расстроился — народу было, откровенно говоря, мало. От силы человек 300. Не густо для такого резонансного дела. Казалось, что представители правопорядка превосходили нас по численности. Были много сотрудников прессы, в том числе радио и телевидения. Мелькали микрофоны с логотипами «100ТВ», «Россия», «Эхо Москвы». Народ охотно делился журналистами своими соображениями по этому делу. В отличие других митингов не было ни обличающих транспарантов, ни пламенных речей, ни лозунгов, ни воинствующих призывов. Был день памяти погибшего человека.

Слово взял отец Григория Кочнева. Он довольно четко, без лишних эмоций изложил свою позицию. Оставалось только удивляться, откуда у человека, на которого 6 дней назад свалилось непоправимое горе, нашлись силы, чтобы в присутствии многочисленных телекамер и микрофонов описать все то, что он испытал за эти дни. Он рассказал, что Григорий недавно освободился из мест заключения, где у него не было ни с кем конфликтов. Что имел семью, растил двух дочерей, учился в институте и никаких мыслей о суициде у него не было и быть не могло. Имеется справка от судмедэксперта, о том, что это не было самоубийством. Ну не может человек сам себя ударить 4 раза ножом в сердце. Это просто физически невозможно, если только ты не заслуженный мастер спорта по «харакири».

Но в Следственном комитете, по всей видимости, решили, что Григорий обладал этим званием и способен на такой непосильный для обычного человека поступок. Ну да бог им судья.

Спустя минут 10 после начала собрания события на площади стали принимать немного угрожающий характер. Появился довольно упитанный полицейский с мегафоном и монотонно-заунывным голосом стал причитать: «Граждане, данный митинг не согласован с властями города, просьба разойтись». Но, похоже, он разговаривал сам с собой, его никто не слышал. Вскоре рядом с ним возник его коллега с видеокамерой и стал снимать всех присутствующих на площади. Мелькали люди в штатском, они с угрюмыми и хмурыми лицами ходили между митингующими, фотографировали их и также снимали все происходящее.

Зануда-полицейский напрягался со своими призывами около 10 минут, после чего его коллеги перешли от слов к делу. Нас очень быстро стали окружать люди в черном, причем все они крепко держались за руки. Казалось, что бойцы вполне видимого фронта начнут вокруг нас Новогодний хоровод, но это только «казалось». Через считанные секунды мы были окружены, как немцы под Сталинградом. Деваться было некуда. Около минуты мы спокойно простояли в кольце, после чего нас начали потихоньку выдергивать из этого черного круга. Ко мне подошли двое полицейских и предложили проследовать с ними.

Я согласился с их убедительными доводами. Они взяли меня под руки и стали выводить из круга. «Можешь докурить сигарету», — сообщил один из них (я курил во время задержания). «Спасибо и на этом», — ответил я. До автобуса мы проследовали молча. Повсюду щелкали вспышки фотоаппаратов, мелькали корреспонденты

с микрофонами, которые пытались получить у задержанных самые свежие комментарии на происходящие события. «Люди добрые, помогите, происходит незаконное задержание», — этот призыв мне напомнил крик возмущенного Кирпича из «Места встречи....», когда Глеб Жеглов крутил его в трамвае. Но пламенный монолог никого не вдохновил и молодой человек, слегка посопротивлявшись, вскоре оказался в одном из автобусов, которые неподалеку ждали своих законопослушных пассажиров.

В целом задержание прошло очень спокойно и без всяких эксцессов. Люди с достоинством и с чувством выполненного долга тихо садились в полицейские каталажки, знакомились, обменивались впечатлениями.

Около нашего автобуса стоял отец Григория Кочнева. Его полиция не трогала, и мы надеялись, что у них хватит совести отпустить его. Надеялись не зря, видимо что-то шевельнулось в душе у нашей полиции или они получили приказ сверху, но отца и жену погибшего забирать не стали, хотя формально имели на это полное право. После того, как наше авто заполнилось, мы двинулись к одному из ближайших отделений.

Вдоль Загородного проспекта стояло множество машин с цветографической раскраской, из чего можно было сделать вывод, что полиция подготовилась к этому дню на «отлично». Только их действия «по жизни», а не «по закону» мы все квалифицировали на твердую «двойку».

«Товарищ лейтенант, а вам не стыдно за то, что вы сейчас делаете?» — обратился к нашему сопровождающему один из задержанных. Лейтенант хранил гордое молчание. «Да не ответит он тебе ничего, пусть сначала форму снимет, потом и говори с ним», — последовал ответ

от другого задержанного. Лейтенант что-то хмыкнул в ответ в знак согласия с этой фразой.

Нас привезли в близлежащее отделение полиции. В автобус зашел невысокий коренастый капитан и спросил у нас есть дети до 18 лет и взрослые, которым больше 50. Таких людей предполагалось отпустить. В нашем автобусе оказалась семья из трех человек. Мама и папа вроде бы подходили под этот возрастной ценз, а вот их сыну было уже 25 лет. То есть родители могли быть свободны, а он должен был подвергнуться задержанию. Родители заявили, что без сына они никуда не пойдут и вместе с ним готовы понести заслуженное наказание. Капитан сказал: «Хорошо, с вами разберемся позже» и стал с охраной выводить нас из автобуса. Больше эту достойную семью я не видел, из чего могу сделать вывод, что капитан их отпустил.

Всех задержанных завели внутрь участка. Нас посадили в коридор и стали собирать документы, те, у кого с собой не оказалось паспортов, звонили домой и просили их подвезти. К «звонку другу», вернее подруги, а еще вернее жены пришлось прибегнуть и мне. Я был краток: «Меня задержали, нахожусь в милиции, буду не скоро, привези паспорт, но только российский, не заграничный». На том конце послышалось возмущение: «Какого черта? Ты что-нибудь натворил?» Я ответил, что вел себя хорошо, просто у нас в стране такие законы. Даже группу стариков в парке могут задержать за массовое несанкционированное сборище при игре в домино или шахматы.

Мы все гадали, нас отпустят сегодня, составив протоколы, или оставят на ночь. Верить хотелось, конечно же, в лучшее, но все наши радужные мечты решительно пресек молодой человек, которого звали Дмитрий. Он не в первый раз оказывался в таких ситуациях и заявил, что, скорее всего, всех оставят на ночь. Нас по очереди

стали вызывать в допросный кабинет, где мы диктовали свои личные данные. Полицейские оказались довольно любопытными людьми. Они хотели знать о нас все: как зовут, где родился и крестился, почему женился. Адреса, телефоны, место работы — все для них представляло довольно жгучий интерес.

После предоставления всех этих сведений начался личный досмотр. Изымали все: ремни (чтобы арестант не повесился в камере), шнурки (см. предыдущий комментарий), мобильные телефоны, сигареты, зажигалки и даже мелочь из карманов. После этой процедуры нас стали распределять на ночевку по «аквариумам», которые из себя представляли прямоугольные помещения 2 на 5 метров с прозрачной входной дверью. По периметру стояли деревянные шконки шириной около 50 см. Над входной дверью был маленький видеоглазок. За всем происходящим в камере наблюдал «Большой Брат» в соседнем кабинете.

В одном из «аквариумов», куда меня поместили, было 7 человек, в том числе и Дмитрий, которого в участке прозвали «Главный». Он был довольно компетентен во многих вопросах, за что и заслужил такое прозвище от полицейских. У него с собой было 2 мобильных телефона. Один из них он сдал на хранение, а второй сумел пронести с собой в камеру и связь с внешним миром мы держали через него. Он перезванивался со многими заключенными во всех отделениях полиции. Как выяснилось, задержано было всего около 60 человек, которых распределили по 4 адресам. Благодаря стараниям Дмитрия буквально через полчаса после помещения в «номера» у нас были баулы полные едой: колбаса, сыр, ветчина, сосиски, майонез, хлеб. Когда жена привезла мне паспорт и спросила у дежурного можно ли что-нибудь передать из еды, то он только посмеялся ей в ответ: «Да у них там жратвы на неделю вперед хватит».

Несмотря на эти передачи, Дима сообщил, что по закону нам положен горячий обед. Буквально как в сказке «По щучьему веленью...» в 17–00 около наших дверей стояли 2 пластиковых бадьи. В одной из них была солянка, с виду похожая на кислые щи, в другой макароны по-флотски, которые были похожи на самих себя. «А в тюрьме сейчас макароны», — сразу же вспомнилась крылатая фраза из «Джентльменов удачи». Также дежурные за свой счет купили нам одноразовую посуду — тарелки, вилки, ложки. Вы верите в это? Нет? А зря, это чистая правда. Они принесли нам даже салфетки. Видимо, у нас был какой-то особенный статус. Правда, на мой вопрос: «А компот?» последовало многозначительное молчание. Наверное, это было уже слишком. Для нас достаточно было «первого» и «второго».

Маленькая заминка заключалась в том, что не было глубоких тарелок и поварешки. Как разливать и из чего есть «щи-солянку»? Вместо тарелок и поварешки смысленные стражи правопорядка предложили нам использовать... одноразовые стаканы. Я встал на раздачу. Было очень не привычно, даже с учетом армейского опыта. Глубоко зачерпывать стаканом не получалось, поэтому все мясо оставалось на дне бадьи, о чем мне пожаловались возмущенные заключенные: «А чего ты нам мясо не докладываешь?» После моих объяснений все смирились с отсутствием оногo в их тарелках, вернее в стаканах. Еда была довольно вкусной, и мы поблагодарили дежурных за предоставленный обед.

Теперь можно было и поговорить. Для начала от одного из ЗК прозвучал неожиданный вопрос: «Скажите, а среди нас есть сторонники «Единой России». Кубрик недовольно загудел: «Как о нас такое могли подумать, конечно же нет». Легкий напруг спал, теперь говорить можно было обо всем. Народ был абсолютно разный, с разными убеждениями и взглядами на жизнь, но негативное отношение к партии власти было общим для всех. Больше

политики мы особо не касались, да и зачем обсуждать то, что и так было ясно как 2×2. Мы разговаривали, шутили, смеялись, и удивленные полицейские никак не могли понять, почему у нас такое бодрое настроение.

Вскоре в наш отдел подъехали адвокаты, в камеру к нам пожаловал депутат Госдумы, пожелал всем удачи и обещал взять наше дело под личный контроль, заглянул председатель Общественного Совета при МВД, чтобы узнать нету ли у нас каких-либо жалоб. Претензий особых не было, кроме туалета, в котором не было ни бумаги, ни света, ни воды, короче не было ничего, кроме ржавого, немытого очка. Не было даже защелки на дверях. Хотя она была не нужна, поскольку дверь оставляли открытой, чтобы свет из коридора хоть как-нибудь помогал корректировать свои действия. Вместе с этим общественником к нам заглянул какой-то полковник и менторским тоном сообщил нам, что он может всех отпустить по домам к своим женам и любовницам, если мы в добровольном порядке сдадим отпечатки пальцев и сфотографируемся для их архива, или же в противном случае можем просидеть здесь до 48 часов. Четверо согласились «отпечататься», а 9 человек отказались.

Они потом еще несколько раз заходили к нам и задавали вопрос — надумали мы или нет, но наш ответ был однозначен — нет. На довольно сомнительную сделку с полицией, даже в обмен на свободу, никто идти не хотел. Я сразу же вспомнил историю, как пару лет назад на работника НТВ завели уголовное дело, используя его фото и пальчики из архива, которые появились там после распития им спиртных напитков в неподобающем месте. Ему вменяли грабеж районного судьи! У этой особы какой-то бомбила-таксист украл сумочку. В отделе вытащили архивное фото этого парнишки и решили все повесить на него. Он наиболее подходил под описание преступника. Далее под каким-то предлогом его вызвали в милицию, а там эта свинья опознала в нем своего грабителя!!! Его

уже хотели «закрыть», но тут в дело вступились народные «правдорубы» — блоггеры и работники НТВ. Парню за грабеж светило 7 лет тюрьмы. Чудом удалось его выдернуть из лап этой системы. А потом оказалось, что он и машину-то водить не умел, какой из него бомбила? Но в отделении, где заводилось дело, этот факт, похоже, никого не смутил. Умел или не умел, какая разница? Решили, что он должен сидеть, так что ж на такие мелочи внимание обращать.

И в свете такого беспредела нам добровольно предлагают сдать свои отпечатки и фотографию.

Кроме разговоров между собой мы с интересом наблюдали за жизнью в полицейском участке. Порой нам казалось, что не мы сидим за стеклом, а люди в форме. Под вечер в отделение привели молодого человека лет 20. Он был в легкой обуви, шортах, летней футболке, руки его были испачканы в крови. Парнишка был «вмазан» по полной программе. У него был стеклянный взгляд «в никуда», он плохо стоял на ногах и вряд ли соображал где он находится. Шорты у него были одеты «наоборот». Вместо ширинки свисал обвисший зад, а сзади поблескивала молния. Может у молодежи нынче такая мода? Ему вызвали «Скорую помощь» сотрудники которой начали его осматривать, но вдруг он вскочил, стал размахивать руками и орать какие-то ругательства в адрес врачей, которые от него шарахнулись в сторону. Тут же пришли строгие полицейские и сообщили ему, что так вести себя нельзя. Но парню было все равно на кого орать. Он еще немного побуянил и потом так же резко обмяк и сел на стул. Хорошо, что его не поместили к нам камеру, а отпустили восвояси. Такой неменяемый наркоман — не самое приятное соседство.

Так же мы имели диалог с дежурными по поводу нашего задержания, они нам говорили: «Парни, а нахрена вам это

надо было, чего дома-то не сиделось, чего вы добились? Устроили геморрой и себе и нам». Я поведал им историю про убийство в Москве болельщика «Спартака» Егора Свиридова. Подозреваемых в убийстве Егора задержали в тот же день, но спустя некоторое время почему-то отпустили на свободу. Футбольные фанаты вне зависимости от клубной принадлежности вышли на улицы Москвы и устроили там настоящий погром, с требованиями привлечь к ответственности убийц их товарища. Власти увидев такой «кипеш» слегка обос... ались, в результате чего суд вернул подозреваемых обратно за решетку и в итоге они получили реальные сроки за это убийство. Вот и мы хотим добиться примерно того же по делу Кочнева. К тому же на его месте мог очутиться любой из нас, так что это наша общая беда, просто она не постучалась еще к нам в дом. Возражений на мое объяснение не последовало, да я думаю они и так все прекрасно понимали, но по долгу службы не могли быть с нами достаточно откровенны.

Удивительно, но они шутя называли нас «политическими», хотя ни о какой политике ни на митинге, ни в наших с ними спорах речи не шло. Видимо, они догадывались, что на это абсолютно не политическое мероприятие пришли исключительно противники действующей власти. И выступая против этого беспредела, они все в глубине души выступают против нашей политической верхушки. Сторонников же Единой России я не видел и не слышал. Видимо, эти люди прекрасно понимали, что они смотрелись бы довольно таки глупо на этом народном собрании. К тому же на эти проблемы, как и на все то, что происходит в нашей стране, им, скорей всего, было глубоко наплевать.

Из дома пришла довольно любопытная новость. Максим на занятиях имел довольно бледный вид, поскольку знал обо всем, что произошло. Воспитательница стала допытываться у него в чем дело и он «раскололся».

Рассказал о том, что его папу «замели» в воскресенье в милицию. Воспитательница была довольно продвинутым человеком и знала о митинге и задержаниях. Она выразила ему слова поддержки и велела держаться.

Около 2 часов ночи мы получили свои протоколы о задержании. Написана там была полная х.ня. В обвинении значились такие слова: «стоял и внимательно слушал обсуждение дела Григория Кочнева, призывал к борьбе с беззаконием». Разве это является нарушением правопорядка? Читать было просто смешно. К тому же из-за орфографической ошибки в нем значилось, что я (как и все мои сокамерники) требовали от народа прекратить митинг и разойтись! За что же нас тогда арестовывали? Надо будет на суде обязательно указать на этот момент.

Из соседней камеры раздавался чей-то возмущенный бас, обращенный к полицейскому: «Да вы что творите, вы люди или нет, как такое вообще можно было написать?» Человек так же выражал свое возмущение полученным протоколом.

Но страсти потихоньку улеглись и надо было устраиваться на довольно некомфортный ночлег. Подушкой служила куртка, простыней — деревянная шконка, а одеялом — довольно спертый воздух внутри камеры. Я практически всю ночь не спал, зато у моих соседей был довольно здоровый сон, изо всех углов слышалось размеренное посапывание.

Утром нас должны были повезти на суд, и поэтому, проснувшись, тут же начали спрашивать дежурных, когда же наконец мы покинем их отделение. Они отвечали, что не в курсе, но как только выяснится что-нибудь, то обязательно нам сообщат.

Около 11 утра к нам зашел старлей и сообщил: «Готовьтесь, скоро поедете». Мы все обрадовались, уж больно нам хотелось сменить обстановку. Но время шло и полицейское «готовьтесь» так и оставалось только словами. Дмитрий держал онлайн-связь с судом, куда доставляли людей из других отделений полиции, и мы получали самые свежие сведения. Кто-то отделивался штрафом от 10 до 20 тысяч, кто-то уезжал на заслуженный предновогодний отдых на трое суток.

Но самое главное было не получить «по максимуму» — 15 дней. Тогда бы Новогодняя ночь запомнилась на всю оставшуюся жизнь. Немного нас успокоили стражи правопорядка, сообщив, что в случае обвинительного приговора «мотать срок» мы будем не в их тошниловке, а в спецприемнике на Захарьевской, где условия для ночлега были получше. Несмотря на столь мрачные перспективы, никто не сожалел о том, что вышел на этот митинг.

Первым из нас в суд повезли Дмитрия. Оставшиеся недовольно ходили кругами по камере и ждали, когда их тоже пригласят на выход. Я решил всех обнадежить: «Пацаны, даю вам 100% что это когда-нибудь кончится, и мы окажемся дома». Но в этом и так никто не сомневался. Всех угнетала полная неопределенность в данной ситуации.

Время было около 8 вечера, когда всех стали выводить из камеры. Напоследок один из нас решил сходить в бомжетуалет и попросил у дежурного бумагу. Ответ был краток: «Туалетной бумаги нет». На просьбу принести хоть что-нибудь, дежурный приволок пачку пустых протоколов о задержании. На вопрос можно ли взять их на всякий случай с собой в суд он ответил, что это бумаги строгой отчетности и использовать их не по назначению можно только в туалете отделения. «На вынос не выдается», — пояснил он.

Хотя районный суд работал до 18–00, судья, похоже, решил рассматривать наши дела до ночи. Нас привезли к дому 132 по Обводному каналу. Там во дворе уже стояла пара машин с задержанными. Началось очередное ожидание, только уже внутри микроавтобуса. Но были рады и этому, уж больно хотелось сменить обстановку. Через какое-то время к нам заглянули две молоденькие девушки: «Ребята, хотите горячего чая?» Отказываться никто не стал. Через несколько минут у нас были две большие бутылки с горячительным напитком и пара очаровательных улыбок в придачу.

Потом появились еще два термоса и 4 или 5 больших пакетов с едой. Там были даже горячие пирожки, чернослив, яблоки, мандарины. «Девушки, а кого благодарить? Кто этот добрый человек?» — спросил я у них. В ответ прозвучало, что это Благотворительный фонд помощи заключенным, а они по их просьбе только доставили продукты к месту назначения.

Девушки еще долго обходили все автобусы и только убедившись, что все напоены и накормлены, исчезли под покровом зимней ночи. Да, прав был поэт: «Есть женщины в русских селеньях....».

Около 11 вечера народ начали потихоньку выдергивать из нашего автобуса в здание суда. Практически все получили одинаковый вердикт. Протоколы о нашем задержании были составлены неверно, и суд отправляет их на доработку. Все свободны!

И стоило городить этот огород: задерживать, допрашивать, охранять, перевозить, чтобы потом убедиться, что наши акты задержания недействительны и отпустить всех домой? Мы были в полном недоумении. Судебная машина где-то дала сбой, запутавшись в своих шестеренках, или восторжествовала некая

справедливость? Думаю, что это так и останется тайной Адмиралтейского суда.

Мы попрощались с нашим конвоем. Они все отлично понимали, и порой от них слышались такие фразы: «Поймите, мы здесь не при чем, мы просто выполняем приказы сверху». Но обиды на них никто не держал. Вопросы были к системе, которая заставляет людей выполнять нелепые приказы.

Моя машина одиноко стояла около Витебского вокзала. Я сел в нее и поехал по ночному городу домой.

P. S. Очень хочется верить, что все события произошедшие 23 декабря, хоть как-то помогут установить истинную причину этой трагедии, произошедшей в нашем городе в конце 2012 года, но, к сожалению, эта истина никогда не вернет к жизни Григория Кочнева.

Берегите себя.

25 декабря 2012 года

Продолжение: Судный день. Вердикт — 20 тысяч рублей

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ

Ещё почитать

03.03.2026 Санкт-Петербург

Суд признал ЛГБТК+ группу «Выход»
экстремистской организацией